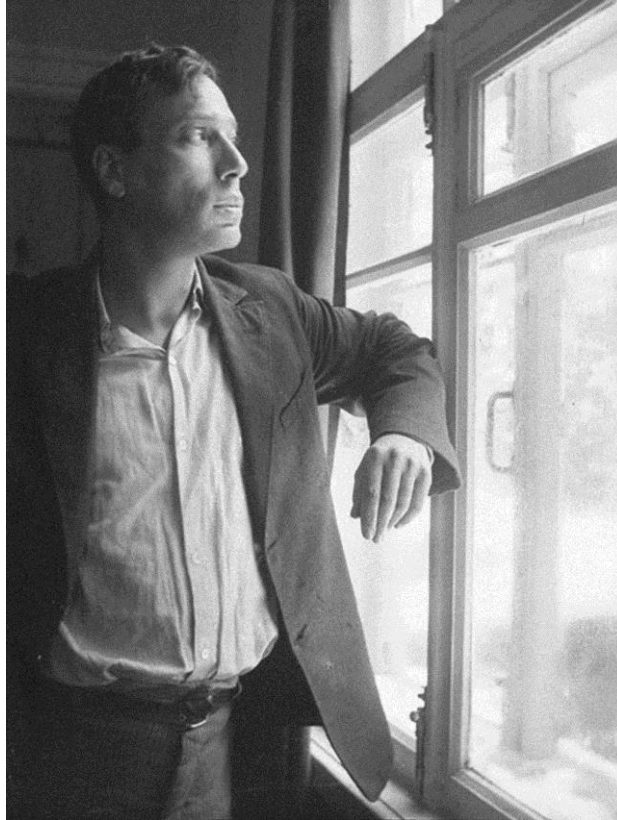

Судьбы скрещенье, или В поисках Бориса Пастернака

(Ко Дню рождения великого поэта – 10 февраля 1890 г.)

«Я – один, всё тонет в фарисействе...»

(Борис Пастернак)

Борис Пастернак – он же **БП**.

Кто сказал, что начало у книги или статьи должно быть только одно? Нет, у меня получается сегодня несколько начал...

НАЧАЛО № 1 «НЕБОЖИТЕЛЬ...»

Однажды товарищ И. Сталин на предложение компетентных органов арестовать Бориса Пастернака коротко ответил: *«Оставьте в покое этого НЕБОЖИТЕЛЯ!»*

А ведь он, действительно, уже при жизни был НЕБОЖИТЕЛЕМ...

Ну кто ещё так выразительно мог сказать о синем цвете неба:

*Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.*

*И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.*

*Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.*

*Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.*

*Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.*

*Это синий негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим.*

НАЧАЛО № 2 «Я И ОН...»

Зима 1960 года. Мне пять лет, я впервые попал в Москву и живу у своих родных на Чистых прудах.

Мы идём с моим дедом по заснеженному Чистопрудному бульвару, а навстречу нам шагает высокий седой сухощавый человек с необычной внешностью: особенно вот это – слегка вытянутое лицо, грустные выразительные глаза.

Указывая на него, мой дед тихо произносит: «*Запомни – это идёт сам Борис Пастернак*». И я запомнил на всю свою жизнь.

Марина Цветаева метко сказала о нём: «*Он был похож одновременно на араба и его лошадь*».

Я до сих пор ищу его – с той зимы 1960-го года – всякий раз, когда иду по Чистопрудному бульвару.

Теперь уже пять лет не мне, а моему сыну, его должны принять в студию при нашем местном Дворце пионеров. Детей уводят на собеседование, после возвращаются, подводят итоги, а в конце объявляют, что особенно всех поразил Илья Лиознов, прочитавший пастернаковского «Гамлета»: «*Гул затих, я вышел на подмости...*»

Прошло уже столько лет с 1960 года, а я всё стараюсь разгадать тайну его таланта, его слов-страданий: «Я – один, всё тонет в фарисействе...»

НАЧАЛО № 3 «ОН И МЫ...»

Я ищу её всю жизнь – разгадку его таланта, его души...

Прошедшим летом, готовя эту статью, я побывал в его мемориальном музее в Переделкино под Москвой. Надышался пастернаковским воздухом.

Но не нашёл там разгадку его души: сонные экскурсанты, горящие, кажется, только одним желанием – рассказать потом знакомым, что они отметились своим пребыванием в доме-музее Пастернака. Не задавшие ни \одного серьёзного вопроса о жизни и творчестве поэта... Некомпетентные экскурсоводы, вызубрившие текст, но с досадными ошибками (типа, Пастернак скончался 30 марта – вместо 30 мая).

Местные жители почти все знают, где его могила, но при этом искренне удивляются: «Чего вы все туда ходите?! Что ищете?»

...А что ищу здесь я? Хороший вопрос.

1. КУБИК РУБИКА БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Какой великий поэт может обойтись в своем творчестве без любви к женщине? Только любовь – страстная, до обморока – заставляет создавать истинные шедевры!

Недаром он когда-то написал:

*А я пред чудом женских рук,
Спины, и плеч, и шеи
И так с привязанностью слуг
Весь век благоговею...*

У БП, как в кубике Рубика, было четыре основные грани – четыре музы, из которых он всю жизнь пытался сложить нечто, напоминающее Лару из его знаменитого романа «Доктор Живаго».

ГРАНЬ № 1. «ЕВГЕНИЯ ЛУРЬЕ – ТЯЖЁЛЫЙ КРЕСТ...»

Когда-то им были написаны знаменитые строки, которые лучше всего характеризуют двух его жён:

*Любить иных – тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин...*

Так вот, *Евгения Лурье* – первая жена поэта, оказалась для него действительно тяжёлым неподъёмным крестом. Она была художницей.

24 января 1922 года Е. Лурье вышла замуж за Бориса Пастернака. Евгения была очень красива благородной красотой женских образов Боттичелли, но кроме красоты, она обладала самостоятельностью и целеустремленностью.

Они поселились в маленькой комнатке в квартире на Волхонке, ранее принадлежавшей родителям Бориса. Оба были люди искусства, оба – очень впечатлительны, неустроенный быт угнетал обоих. Резкая и вспыльчивая, Евгения не умела сглаживать острые углы, неизбежно появляющиеся в их отношениях.

В это время Пастернак сам занимался домашним хозяйством, умел прибрать комнату и приготовить еду. Своего первенца он назвал в честь жены – Женей. Чтобы кормить семью, Пастернак много работал. Евгения была талантлива, но у нее было слабое здоровье, ей часто приходилось лечиться в туберкулезных санаториях, они разлучались и писали друг другу нежные письма.

Летом 1926 года Евгения с сыном поехала в Германию. Там она познакомилась с банкиром, который влюбился в нее и сделал ей предложение. Евгения отказала. Когда она вернулась, то решила изменить свою жизнь. Она стала заботиться о муже и перестала самоутверждаться, но не очень успешно – быт был по-прежнему не устроен. *«Любовная лодка разбилась о быт»* в очередной раз. Любовь прошла.

«В Жене вообще было мало мягкости, уютности, уступчивости. У меня еще в то время сложилось впечатление, что Женя очень боится стать придатком к Б.Л., потерять свою душевную самостоятельность, независимость. Она все время как-то внутренне отталкивалась от Б.Л. Эта внутренняя борьба длилась все время, и именно она, по моему

убеждению, привела к разрыву. В быту Женя все время требовала помощи Б.Л.», – писала Елизавета Черняк, жена литературоведа Черняка, дружившего с Пастернаком.

Евгения так и не смогла отказаться от своего призвания. Годы жизни с Лурье БП назвал «обоюдным обманом», выразив это в таких поэтических строках:

*Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших, и сердца не мучай
Ты со мной, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.*

*Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз –
Обоюдный обман обрубаем.*

Ещё будучи женатым на Е. Лурье, Пастернак увлекся женой известного пианиста Генриха Нейгауза – Зинаидой. В 1931 году он разводится с Евгенией.

ГРАНЬ 2. «ВЫ ЗАБЫЛИ О МАРИНЕ...»

Обычно в данном месте повествования в порядке очередности следует вторая супруга БП – Зинаида Нейгауз. При этом совсем забывают о самом

страстном эпистолярном любовном романе XX века между Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком. Да, этот роман был на большом расстоянии – через горы и годы. Впрочем, моя любимая Марина Цветаева сама написала об этом так, что лучше и не скажешь:

*Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.*

Марина Цветаева много лет прожила в эмиграции, БП – в Москве в СССР. Они посылали друг другу такие страстные письма, которым могли бы позавидовать Ромео и Джульетта. Евгения Лурье, конечно, знала об этом романе, но терпела его, так как считала его эфемерным, чисто платоническим.

Марина Цветаева посвятила БП прекрасные строки:

*Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.*

Судьба Цветаевой драматична, она погибла, не зная, что через 19 лет её возлюбленного и самого любимого поэта – Бориса Пастернака – тоже ждёт жизненная трагедия.

ГРАНЬ 3. «А ТЫ ПРЕКРАСНА БЕЗ ИЗВИЛИН...»

Зинаида Нейгауз – та самая женщина, «прекрасная без извилин». Именно ей он посвятил свои крылатые строки:

*Любить иных – тяжёлый крест,
А ты прекрасна без извилин,
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.
Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.
Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть
И жить, не засорясь впредь,
Все это – небольшая хитрость.*

Без сомнения, понятно, что «тяжёлый крест», о котором он упоминает в начале стиха – это Евгения Лурье, ну а красота «без извилин» – это и есть – Зинаида Нейгауз!

Любовь Бориса Пастернака к Зинаиде Нейгауз зародилась не сразу. Пастернак немного знал Генриха (Гарри) Нейгауза в начале 20-х. Талантливый, виртуозный пианист приехал в Москву из Киева, вскоре к нему приехала жена Зинаида, красавица – полуитальянка по матери, с матовой кожей и огромными карими глазами. В Москве у них родились сыновья. Жили они душа в душу, часто вместе играли на пианино в четыре руки. Зинаиде стихи Пастернака не нравились, но она обратила внимание на его внешность, ей понравились его горящие глаза.

Как-то, будучи в гостях у Пастернака, Зинаида заметила, что жена часто резко спорит с мужем, одергивает его, что он не ухожен, но она также понимала, что проигрывает Евгении в плане личности. Да и друзья говорили, что Евгения была по мерке Пастернаку, а З.Н. была несравненно меньшего калибра.

Но Пастернак влюбился сразу, сильно и мучительно. Он понимал, что его любовь губительна, но ничего не мог с собой поделать. Две семьи распались, и все четверо участников этой трагедии чувствовали свою вину друг перед другом, все четверо страдали. Но красавица Зинаида дала Пастернаку то, чего ему не хватало в первом браке: огромную любовь, преданность и заботу. С ней он чувствовал себя избалованным мальчиком.

И ещё – давайте не забудем, что именно ей, Зинаиде Нейгауз, поэт посвятил один из своих шедевров:

*Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.*

*Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк моховой,
Только крыши, снег, и, кроме
Крыш и снега, никого.
И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной.
И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.
Но нежданно по портъере
Пробежит сомненья дрожь, –
Тишину шагами меря.
Ты, как будущность, войдешь.
Ты появишься из двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то, впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.*

Вместе они пережили смерть старшего сына Зинаиды от туберкулеза, вместе растили общего сына – Леонида и сына Зинаиды – Станислава. Главной в доме была, конечно, Зинаида, но именно ее любовь и забота удерживали Пастернака в кругу семьи. Визитеры, приезжающие к Пастернаку, сначала встречали грозную Зинаиду Николаевну, которая решала, может Борис Леонидович сейчас принять кого-либо или ему надо работать. Она была рядом всегда: и в дни благоприятные, и в дни гонений. Но в 1946 году ее счастьем пришел конец – БП познакомился со своей последней музой – Ольгой Ивинской.

Впрочем, современники вспоминают, что Зинаида заявляла знакомым: *«Брошенной женой Пастернака я не буду. Я буду только его вдовой».*

ГРАНЬ 4. «ДОРОГОЙ Ф. ТЮТЧЕВА»

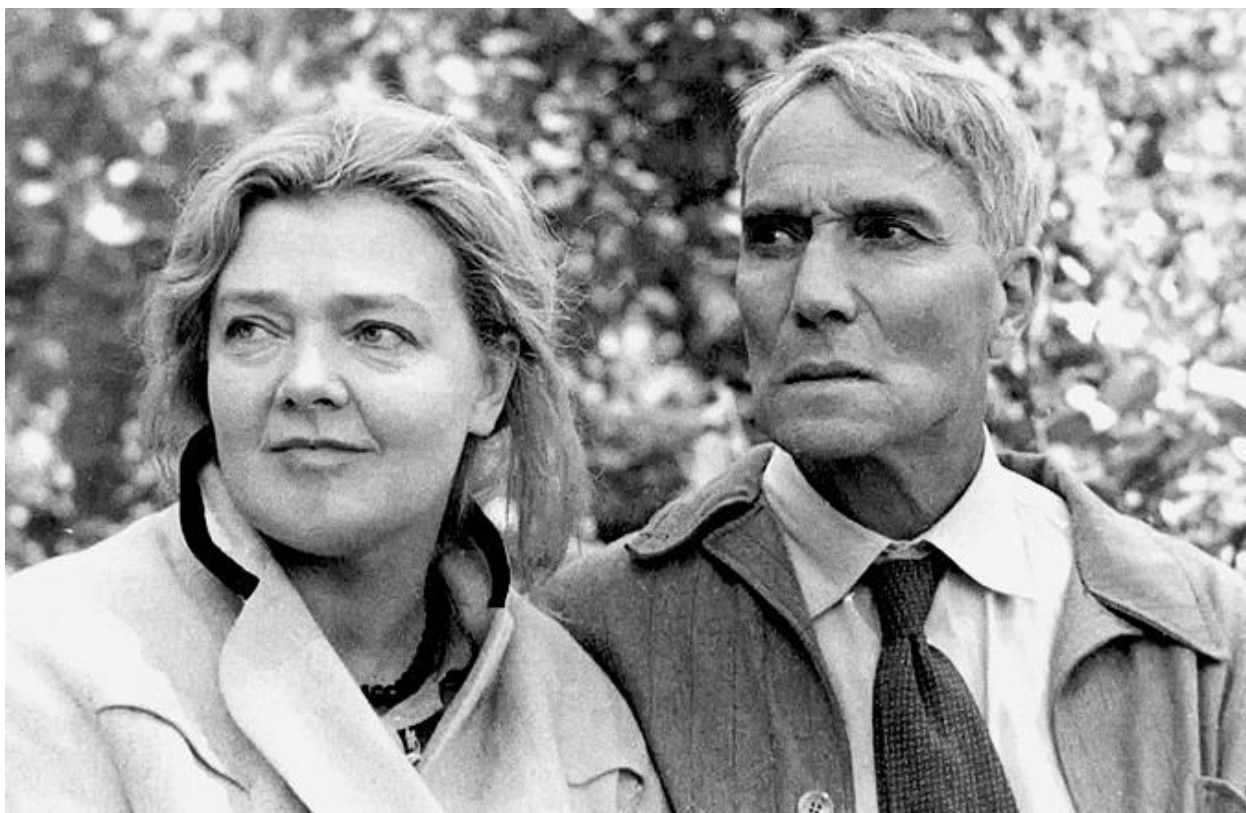
***О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность...***

Тут уж лучше нашего великого земляка Ф.И. Тютчева и не скажешь...

Кстати, когда я размышлял о взаимоотношениях БП и ОИ (Ольги Ивинской), меня преследовало чувство какого-то дежавю, будто кто-то из знаменитых поэтов когда-то уже был в подобной ситуации...

Ну конечно: Ф.Тютчев + Елена Денисьева и Б. Пастернак + Ольга Ивинская...

Кстати, а ведь какое сходство обнаружил я у этих двух гениев, разделенных РОВНО столетием! *Это совпадение в судьбах двух классиков русской поэзии я открыл, по сути, первым.*

Накануне я как раз был на родине Фёдора Ивановича в брянском селе Овстуг, а вот уже мчусь на двухэтажном скоростном поезде, чтобы попасть в пастернаковское Переделкино.

И цепь этих удивительных совпадений складывается в единую картину! *Судите сами:*

– оба поэта прожили ровно по 70 лет...

– у обоих было по две жены и по одной поздней любви...

– Ф. Тютчев познакомился со своей последней возлюбленной – Еленой Денисьевой – во второй половине 1840-х годов, а Борис Пастернак спустя РОВНО СТО ЛЕТ – во второй половине 1940-х встретил свою последнюю музу – Ольгу Ивинскую!

– Между Тютчевым и Денисьевой была разница в возрасте около 24 лет, у Пастернака и Ивинской эта разница составляла почти столько же – 23 года!

– Тютчев создал в конце жизни свой последний любовный, так называемый «денисьевский цикл», у Бориса Леонидовича такой поздний цикл стихов посвящён Ольге Ивинской...

Да и в судьбах двух этих женщин мы найдём схожие мотивы: так Денисьева претендовала на роль законной жены Тютчева, она боготворила его, считая *«что более ему жена, чем бывшие его жены»*, и, действительно, вся жила его жизнью. Все, кто мог возразить против того,

что она «настоящая Тютчева», могли стать жертвой нервного припадка Денисьевой...

Так и О. Ивинская хотела оформить законно свою связь с Пастернаком наперекор Зинаиде Пастернак-Нейгауз....

14 лет Тютчев разрывался между двумя любимыми женщинами – законной и «гражданской» супругой – безуспешно пытался помириться с первой и никак не мог расстаться со второй. Но Елена пострадала от этой губительной страсти гораздо больше: от нее отказался отец, друзья, о карьере фрейлины можно было забыть – все двери для нее отныне были закрыты.

И также 14 лет длились отношения меж Пастернаком и Ивинской... И также, как Елена Денисьева, Ольга Ивинская пострадала из-за связи с Б. Пастернаком!

Они познакомились в 1946 году, и часто гуляли именно по Чистопрудному бульвару, где-то когда-то в раннем детстве я и встретил БП. Всё очень просто – ведь Ольга Ивинская жила в доме в Потаповском переулке, который находится буквально тут же рядом. А уже в 1949 году она была арестована за «антисоветскую агитацию» и «близость к лицам, подозреваемым в шпионаже» (в первую очередь – с Б. Пастернаком).

В тюрьме у беременной от БП Ивинской произошёл выкидыш. Особым совещанием она была приговорена к 5 годам заключения и этапирована в Потьму, в лагерь в Мордовии, где провела 4 года, работая в сельскохозяйственной бригаде.

Но это было не последним её сроком: уже после смерти поэта, согласно завещанию БП, она получала гонорары от изданий за рубежом его романа «Доктор Живаго». Эти деньги, привозимые в СССР иностранцами, обмениваемые на рубли и передаваемые Ивинской, явились причиной повторного ареста уже через два с половиной месяца после смерти Б.Л. Пастернака – 16 августа 1960 года – по обвинению в контрабанде.

На судебном заседании 10 ноября 1960 года Ивинская не отказывалась от показаний, данных на предварительном следствии, но виновными в контрабанде или в пособничестве контрабандистам ни она, ни её дочь – Ирина Емельянова – себя не признали. О.В. Ивинская была осуждена к 8 годам лишения свободы и отправлена в исправительную колонию на станции Невельская под Тайшетом Иркутской области. ОИ была освобождена досрочно в октябре 1964 года....

Елена Денисьева и Ольга Ивинская – две жизни, но, по сути, – одна судьба....

Как наш Ф. Тютчев посвятил Е. Денисьевой немало прекрасных строк, так и БП подарил ОИ множество стихотворений, которые уже давно стали классикой:

*Ты так же сбрасываешь платье,
Как роца сбрасывает листья,
Когда ты падаешь в объятье
В халате с шелковой кистью...*

* * * * *

*Ты – благо гибельного шага,
Когда житье тошней недуга,
А корень красоты – отвага,
И это тянет нас друг к другу.*

* * * * *

*Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели надрезом
По сердцу моему.*

* * * * *

*Недотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В тёмном тереме стихотворенья...*

И, наконец, как не вспомнить такие пастернаковские строки:

*Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сражения.*

Эти совпадения в творчестве и биографии великих поэтов можно было бы длить и дальше, достаточно хотя бы сравнить тему одиночества в произведениях того и другого поэта. Вот известные тютчевские строки:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои*

А вот, что сказал Пастернак:

Я один, всё тонет в фарисействе...

Вот такую связь я нахожу между двумя замечательными поэтами!
И двумя их роковыми музами....

* * * * *

У этой статьи было несколько начал, так почему же не может быть нескольких окончаний?!

ОКОНЧАНИЕ № 1

В один из дней 1958 года, когда Пастернак гулял один по Переделкино, подъехала машина, в которую его затолкали силой и привезли в прокуратуру.

Его допрашивал лично генпрокурор Руденко. Поэта обвиняли по 64-й статье – «Измена Родине». На протяжении двух часов Пастернака запугивали возбуждением уголовного дела: если ещё раз его произведение будет опубликовано на Западе, то он будет арестован.

Отказ от Нобелевской премии, нападки правительства, критика со стороны других писателей – все эти волнения сильно подорвали здоровье 69-летнего Пастернака. В апреле 1960 года он впервые почувствовал, что болен: из-за боли в левой лопатке он не мог писать сидя.

«Я очень любил жизнь и тебя, – говорил он жене в день смерти, – но расстаюсь без всякой жалости: кругом слишком много пошлости, не только у нас, но и во всем мире...». Он ушёл от нас, так и не примирившись с этой жизнью, с подлостью и злобой, царящей вокруг.

Борис Леонидович Пастернак умер от рака легких 30 мая 1960 года, прожив 70 лет. Пастернак – величайший поэт 20 века, выдающийся писатель и переводчик. За роман «Доктор Живаго» он удостоился Нобелевской премии, которую не смог получить, так как роман был признан в СССР антисоветским.

Лишь в одной советской газете была краткая заметка о его смерти: *«...правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года, на 71-ом году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного».*

«Член Литфонда» – вот и всё, что заслужил от советской власти БП...

ОКОНЧАНИЕ № 2

«Памяти Пастернака»

*Разобрали венки на венки,
На полчаса погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!*

*И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане!*

*Даже киевские письмэнники
На поминки его успели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!..*

*И не то чтобы с чем-то за сорок –
Ровно семьдесят, возраст смертный.*

*И не просто какой-то пасынок –
Член Литфонда, усопший смертный!*

*Ах, осыпались лапы елочки,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!*

*«Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...»
Нет, никакая не свеча –
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!
А зал зевал, а зал скучал –
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере!
И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу –
Голосованьем!*

*И кто-то, спьяну, вопрошал:
– За что? Кого там?
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...*

*Мы не забудем этот смех
И эту скуку!
Мы – поимённо! – вспомним всех,
Кто поднял руку!..*

*«Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку...»*

*Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародёры
И несут почётный ка-ра-ул!*

Александр Галич

ОКОНЧАНИЕ № 3

«Август»

*...В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.*

*Был всеми оцутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом:*

*«Прощай, лазурь преображенская
И золото второго Спаса
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.*

*Прощайте, годы безвременщины,
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сражения.*

*Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».*

Борис Пастернак

ОКОНЧАНИЕ № 4

«Гефсиманский сад»

*...Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.*

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.*

*Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.*

Борис Пастернак

ОКОНЧАНИЕ № 5

После трагедии, разыгравшейся по случаю вручения ему Нобелевской премии, он напишет: «*Я пропал, как зверь в загоне...*» Но, скорее всего, пропал не он, это мы пропали...

Я ищу Пастернака, чтобы найти себя...

Я снова иду по заснеженным Чистым прудам, на дворе 1960-й год. Мне уже целых пять лет...

Несколько вздохов, движений, дуновений метели времени ... и вот уже, как и ему, мне скоро будет семьдесят....

Я снова на Чистопрудном бульваре в поисках того седого высокого поэта, которого встретил здесь 65 лет назад. Я всё ищу, но не нахожу его, а метель всё усиливается...

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

И сегодня, как тогда в детстве и юности, я иду на свет этой свечи. А она всё также горит и горит – свеча Бориса Пастернака... И тот маленький мальчик всё также идёт и идет навстречу высокому седому старику – великому, мудрому, неподражаемому поэту...

Когда-нибудь они обязательно встретятся. И это будет скрещением наших судеб. Это будет мой последний земной переход к нему – к его и моему любимому небесному цветку:

*Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.*

*Это синий негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым
Мглы над именем моим...*

С вами был Михаил Лиознов – член Брянской писательской организации СП России, ведущий авторской рубрики «Поэзия– вся! – езда в незнаемое»